

УДК 930.23:94(47).04

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.138-148

**РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ
О МОСКОВСКО-КАЗАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ:
ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

А.В. Аксанов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, Казань, Российская Федерация
E-mail: aksanov571@gmail.com*

Цель: Проанализировать проблемы интерпретации летописных известий о московско-казанских отношениях и с помощью методов герменевтики уточнить семантику сообщений.

Материалы исследования: В статье приводятся примеры неверного понимания источников. Историки буквально воспринимали известия об основании Казанского ханства, которые в действительности были построены на основе реминисценций из библейских книг и нуждались в аллегорическом толковании. Аналогичные ошибки были допущены при интерпретации некоторых сообщений о казанских походах 1467, 1487, 1506 и 1552 годов. В статье демонстрируются и особенности эволюции русского летописания, повлиявшие на характер репрезентации межгосударственных отношений. Последняя треть XV века освещается как официальными, так и независимыми (провинциальными) летописными сводами. Причем эти источники по-разному описывают события. В официальных летописях московско-казанская война 1467–1469 гг. представлена как религиозное противостояние, закончившееся победой русских, тогда как независимые источники не придавали этой войне религиозный характер и указали на поражение московских сил. Существенные расхождения выявлены и при описании событий 1478 и 1487 годов.

Результаты и научная новизна: Применение методов герменевтики позволило существенно дополнить и пересмотреть картину московско-казанских отношений, представленную в трудах историков. Многие официальные сведения о московско-казанских отношениях последней трети XV века опровергаются независимыми источниками. А первая половина XVI века хорошо представлена только официальными хрониками, так как по мере укрепления единого Русского государства независимое летописание пришло в упадок. Таким образом, картина московско-казанских отношений этого периода практически безальтернативна, а данные официальных летописей, лежащие в ее основе, во многих случаях не поддаются верификации.

Ключевые слова: Московское государство, Казанское ханство, межгосударственные отношения, летописи, герменевтика, историография.

Для цитирования: Аксанов А.В. Русские летописи о московско-казанских отношениях: опыт герменевтического исследования // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 138–148. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.138-148

В русском летописании существуют серьезные разногласия по вопросу освещения московско-казанских отношений. Характер летописных известий зависел как от осведомленности книжников, так и от их политических пристрастий и интеллектуального багажа. При этом русские средневековые авторы, стремясь показать подлинную картину московско-казанских отношений,

осмыслили историческую данность через призму идей христианской космологии, что обусловило иносказательность летописного повествования, которую зачастую не учитывали исследователи [1, с. 8–40, 66–67, 101 и др.]. Поэтому для адекватного понимания этих известий необходимо критически переосмыслить буквальное толкование источников, прибегнув к герменевтическому анализу текстов¹.

Приведем некоторые примеры эффективного применения данной методики. Сообщение «Казанской истории» о том, что Улуг-Мухаммед погиб от рук своего сына, уникально и не подтверждается другими источниками. Но В.В. Вельяминов-Зернов и Н.П. Загоскин приняли на веру рассказ об убийстве Махмудом своего отца Улуг-Мухаммеда [5, с. 11; 7, с. 36–37], тогда как М.Г. Худяков посчитал это «нелепым вымыслом» [23, с. 34]. Отталкиваясь от этого известия, Л.Н. Гумилев заключил, что Касим взял «на себя бремя мести за убийство своего отца». Согласно ему, борьба между Касимом и Махмудом сказалась и на дальнейших событиях: в 1467 г. Касим, при поддержке Ивана III, выступил в поход против молодого казанского хана Ибрагима – сына Махмуда [6, с. 183]. А.Г. Бахтин рассуждал следующим образом: поскольку многие татарские ханы той поры «погибали в ходе борьбы за власть», «насильственное устранение с политической сцены Улуг-Мухаммеда выглядит вполне традиционно для Золотой Орды» [4, с. 135].

При этом, вероятнее всего, автор «Казанской истории», обратившись к популярному сюжету цареубийства, предался аллегорическому толкованию событий. Семантику подобного известия проясняет ветхозаветный рассказ, в котором от рук своих сыновей принял смерть жестокий ассирийский царь Сеннахирим, преследовавший праведных людей и пытавшийся покорить Иерусалим [4 Цар. 19: 37; Тов. 1: 2; Ис. 37: 38]. Следовательно, средневековыми знатоками Священного Писания такая смерть воспринималась как воздаяние за несправедливое царствование и угнетение богобоязненных людей.

Вместе с тем, автор «Казанской истории» использовал прямые и косвенные цитаты из других памятников, подчеркивая замысел своего произведения. На протяжении всего повествования он неоднократно повторял мысль, что «мечем и на крови зачаса Казань, также и скончася мечем и кровию» [8, с. 203]. Вероятно, картину цареубийства книжник заимствовал из наиболее авторитетных сочинений своего времени, поскольку она хорошо вписалась в его концепцию кровавого зарождения и кровавой гибели «Казанского царства».

Приведем другой пример иносказания. Первым крупным столкновением, попавшим в поле зрения большинства книжников, является московско-казанская война 1467–1469 годов. Московский летописец сообщает о причине этой войны: «а позван был царевич (Касим. – А.А.) от цареи Казанских, от Авдул-Мамона и от прочих, на царство лестью» [16, с. 279]. Ученые, понимая слова летописца буквально, то писали, что Касим был обманут, то говорили о расколе казанской аристократии на сторонников и противников московского влияния [1, с. 66–67].

Тогда как необходимо учитывать, что московский книжник провел аналогию с одним из ветхозаветных сюжетов. Пророк Даниил предсказал, что некий «презренный» человек «лестью овладеет царством». Этот царь «войдет

¹ Подробнее о герменевтическом анализе летописных известий см. [1, с. 36–40].

в согласие с отступниками», а его войска «осквернят святилище». И, что ближе всего к тексту Московского свода, «поступающих нечестиво против завета он (царь. – А.А.) привлечет к себе лестью; но люди, чтящие своего Бога, усилятся и будут действовать» [Дан. 11: 21, 31, 32].

Библейское предсказание «привлечет к себе лестью» сбылось в произведении русского средневекового книжника: Касим «позван был... лестью». То есть перед нами логичное для средневековой рациональности обоснование необходимости войны с восточным соседом: казанцы выступают «осквернителями святилищ» и «нарушителями завета», следовательно, православные, предприняв поход на татар, сделали то, что им как бы предписывалось Библией. В тоже время, известие о приглашении Касима на казанский престол в контексте ветхозаветного пророчества указывает на негативные качества казанцев, а не на раскол в кругах татарской аристократии, как полагали историки.

Еще одним аргументом в пользу аллегорического толкования этого известия является то, что информация, приведенная в нем, не подтверждается независимыми источниками. На идеологический характер всей летописной статьи о московско-казанской войне 1467–1469 гг. («О первой Казани») указывает привязка начала похода ко дню крестовоздвижения, который символизировал победу христианской веры над язычеством, неоднократные упоминания о заступничестве Николая Чудотворца, демонстрация летописцем общерусского характера походов против Казани (что опять же противоречит независимым летописям) и, наконец, прямое указание на то, что эта война велась «за святые церкви и за государя великого князя Ивана и за православное христианство» [16, с. 281].

Летописцы нередко прибегали и к устоявшимся лексическим оборотам, смысл которых можно выявить только в контексте древнерусского словоупотребления. В подобных случаях также необходим герменевтический анализ, задача которого состоит в том, чтобы объяснить смысл текста, исходя из мировоззренческих устоев его создателя. Установить значение лексического оборота можно, рассмотрев различные варианты его применения в литературе того времени и выделив из них семантически наиболее близкие.

К примеру, автор Воскресенской летописи в рассказе о походе на Казань 1506 г. записал, что русские войска бежали, будучи «никемъ же гоними греха ради нашихъ людей многихъ истеряша» [13, с. 246]. Исследователи обычно обходили вопрос об интерпретации этого летописного известия и ограничивались словами, что поход был неудачен. На самом деле, трудно понять, как многочисленные русские войска под предводительством трех десятков именитых воевод могли бежать, «ником же гоними», и понести тяжелые потери. Современная рациональность этого не объяснит.

Однако средневековый книжник имел вполне четкое представление о тех, кто, врагом не гонимый, бежит с поля боя. В книге Левит так характеризуются люди, ослушавшиеся Бога, не соблюдающие его заповедей: они «побегнуть яко бежация от рати, и падут ни кимже гоними» [Лев. 26: 36]. «Никем не гонимые» встречаются и в памятниках литературы Древней Руси. Например, «Повесть о нашествии хана Тохтамыша» содержит следующие наставления Всевышнего: «Аще хотите послушаете мене – блага земнаа снете, и положю страх ваш на вразех ваших. Аще ли не послушаете мене, то побегнете никимже гоними, посилю на вы страх и ужась, побегнет васъ от пяти

сто, а от ста – тма» [17, с. 148]. Следовательно, данная литературная формула доступно для средневекового интеллектуала объясняла причины военного разгрома. Словосочетание «никем же гоними» призвано было акцентировать внимание читателя на мысли, что главной причиной поражения московских войск является грехопадение.

Историки неверно интерпретировали и официальное сообщение о действиях Ивана IV во время последнего штурма Казани. Согласно летописям, во время литургии прогремел взрыв, который стал сигналом к общему наступлению. В разгар сражения царя дважды просили выехать к войску, но он, отказываясь прерывать богослужение, со слезами на глазах молился. Иван IV поехал к своему полку только после окончания литургии, получив благословение от протопопа Андрея [14, с. 217; 15, с. 528–529].

Некоторые исследователи на основе буквальной интерпретации данного известия сделали вывод о личностных качествах Ивана IV. По мнению Р.Г. Скрынникова, «в ходе военных действий царь не выказал больших дарований», «промедление Ивана дало пищу для неблагоприятных толков в полках» [21, с. 47]. С.Х. Алишев писал о проявлении малодушия царя в часы последнего штурма [2, с. 140].

Однако представленное сообщение имеет ряд семантических параллелей с известиями о воинских подвигах праотцов царя, на фоне которых актуализируются другие смыслы. Действия Ивана IV сильно напоминают поведение Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы и Ивана III перед походом на Угру. Предки царя также, откладывая выступление, со слезами на глазах подолгу молились [1, с. 241].

Ключ к пониманию подобного промедления сокрыт в тексте «Сказания о Мамаевом побоище». Когда великий князь Дмитрий Иванович приехал в Троицкий монастырь за благословением, ему сообщили, «яко уже приближаются погании половци». Великий князь стал торопиться и просить преподобного Сергия отпустить его, на что старец ответил: «Это твое промедление двойной для тебя помощью обернется. Ибо не сейчас еще, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся» [20, с. 150].

Другими словами, согласно Сергию, промедление помогает в ратном деле и указывает на то, что Дмитрий Иванович, одержав победу, вернется живым. Уже в разгар Куликовской битвы, когда инициатива стала переходить к противнику, князь Владимир Андреевич порывался выйти с засадным полком на помощь основным силам. Но воевода Дмитрий Боброк-Волынский, развивая мысль Сергия Радонежского, остановил князя словами: «Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час: начинающий раньше времени вред себе принесет». В.Н. Рудаков, проанализировав различные списки «Сказания», заключил, что Дмитрий Боброк-Волынский ждал определенного часа, когда придет «дух южный», знаменовавший «собой сошествие на помощь русским “силы Святого Духа”» [18, с. 159].

Таким образом, летописцы, говоря о промедлении царя во время штурма Казани, не пытались показать его малодушие, а стремились разъяснить читателю, что государь проявил мудрость: поступил согласно совету преподобного Сергия и по примеру великих праотцов дождался часа снисхождения Божьей помощи, обретя победу над врагом. Вместе с тем, это еще один эле-

мент, связывающий события из разных веков. Такое сопоставление давало понять, что Иван IV завершил дело, начатое русскими князьями в 1380 г., то есть Куликовская битва, стояние на Угре и взятие Казани – это сражения одной войны – за православную веру и обретение царства.

У исследователей вызывал много вопросов и рассказ о взятии Казани в 1552 г., сохранившийся в «Казанской истории». Еще Г.З. Кунцевич, сравнивая сообщения «Казанской истории» с данными разрядных книг, указал на неточности описания воеводских позиций [9, с. 416–418]. Он обнаружил некоторые расхождения автора «Казанской истории» с официальными летописцами. Это касается таких сведений, как датировка похода, время пути русских войск к Казани, дислокация царских полков во время осады, количество ворот в крепостных стенах и ряд других вопросов [9, с. 420–506]. По мнению А. Ситдикова, изучившего археологию Казани, топонимика событий 1552 г., представленная в «Казанской истории», не выдерживает критики [22, с. 164]. С.Х. Алишев заметил, что автор «Истории» не жил в Казани, поскольку он «не упоминает ни одного городского строения или объекта, не знает многие события и факты, достоверно сообщаемые другими источниками, а если знает, то многие извращает и толкует по-своему» [3, с. 39].

Но даже если автор «Казанской истории» никогда не бывал в Казани, установлено, что в его распоряжении был широкий круг источников, и при желании он мог привести точное описание города. Вероятнее всего, книжник не стремился представить подлинную, с точки зрения современной науки, картину произошедшего и свою главную задачу видел в аллегорическом истолковании событий. Буквальное понимание текста «Казанской истории» лишает нас возможности выявить наиболее актуальные смыслы произведения, привнесенные автором, порой, с помощью намеренного искажения действительности, путем заимствования сюжетных композиций из источников, казалось бы, вовсе не связанных с объектом повествования.

При интерпретации отдельных сведений летописца необходимо учитывать общий замысел произведения. «История» последовательно повествует о «трех взятиях Казани». Первый раз Казань пала «от руки» Василия Дмитриевича в 1395 г. «Второе взятие» состоялось в 1487 г. и явилось результатом активной политики Ивана III. Окончательное, третье завоевание Казани произошло в 1552 году. Важно подчеркнуть, что в данном произведении Казань выступает «младшей дочерью», или преемницей Золотой Орды [8]. Следовательно, 1395, 1487 и 1552 годы представляются вехами освобождения Руси от многовековой власти Орды и обретения русскими государями царской власти, возвысившей их над прочими правителями.

Описание последнего казанского взятия имеет много общего с «Повестью о взятии Царьграда турками в 1453 году» [10; 9, с. 511–516; 11, с. 182]. Автор «Истории», репрезентируя взятие города, соединил летописные сведения с известиями «Повести», чтобы сравнить завоевание Казани с покорением Царьграда, символизировавшим получение царской власти. Таким образом, мифопоэтическая функция Царьграда была перенесена на Казань, взятие которой осмыслялось как обретение царства и воцарение. И это не домыслы отдельно взятого летописца – данная мысль лежала в основе идеологии Московского царства. Если в официальных летописях сказано лишь, что Иван IV «царство и град многолюдной Казаньской восприят» [14, с. 218; 15, с. 530], то в диплома-

тических документах прослеживается концепция обретения царства через завоевание Казани. Так, русские послы при дворе польско-литовских королей объясняли происхождение царского титула Ивана IV в том числе и тем, что ему покорилось «Казанское царство» [19, с. 476, 499–500, 505, 519, 528].

Исходя из этого идейного замысла, казанский летописец пытался провести как можно больше параллелей со взятием Царьграда. Вероятно, поэтому описание Казани, как заметил С.Х. Алишев, не содержит информации о важных городских объектах. Такие топонимические уточнения указывали бы на особенности города и лишали бы автора «Истории» возможности усилить смысловую связь с Царьградом. В результате перед читателем предстало упрощенное описание города, призванное акцентировать внимание читателя не столько на особенностях Казани, сколько на общих чертах с Константинополем. Например, Казань подобно второму Риму стоит на высоком месте и со всех сторон окружена водами. Казань находилась между двух рек, а Царьград – между двух морей [8; 12].

При этом в отдельных случаях казанский летописец мог допускать искажения, усиливающие связь объектов. Так, недоумение у историков вызывало противоречащее другим источникам описание городских ворот и дислокации царских войск во время осады 1552 года. Тогда как это описание имеет общие места с фрагментом Повести о взятии Царьграда, повествующем о расположении войск султана при осаде Константинополя. Эти известия не содержат одинаковых топонимов, но во многом совпадает структура описания. Русские войска, как и османские, были разделены на пять частей, каждая из которых брала на себя штурм определенного участка крепостных стен с воротами. Перед полком правой руки и передовым полком, как и перед силами карачабея и восточным крылом турок, находились стены с четырьмя воротами [8; 12]. Все это говорит о том, что данные сообщения из «Казанской истории» не должны пониматься буквально и напрямую использоваться в конкретно-исторических построениях.

Итак, результаты текстологического и герменевтического анализов источников продемонстрировали ограниченность или несостоятельность некоторых научных репрезентаций и теорий. Так, мы не можем делать однозначных выводов относительно первых крупных столкновений Москвы и Казани.

На страницах официального летописания разворачивается грандиозное полотно конфликта 1467–1469 годов. Апеллируя к текстам Священного Писания и памятникам патристики, древнерусские книжники оценивали «первую» московско-казанскую войну как «дело защиты русских земель», придавая ей победоносный и религиозный характер: единая православная Русь противопоставлялась «окаянным татарам».

Принципиально иное представленное об этих событиях было сформировано в конце XV в. в Ермолинской летописи, которая не идеологизирует войну 1467–1469 гг. и не придает ей общерусский характер. Война расценивается как столкновение казанцев с москвичами в результате враждебных действий последних. Примерно в том же духе охарактеризовали отношения двух государств новгородские и устюжские книжники. Они показали неудачные действия московских воевод и, в целом, согласились с ермолинской трактовкой «первой казанской войны» [1, с. 79–81].

Следовательно, неясны и обстоятельства войны: одна группа источников говорит об успешных действиях воевод, а другая показывает поражение русских. Аналогичные расхождения выявлены и при освещении событий 1478 и 1487 годов [1, с. 81–101]. В этих случаях прослеживаются «две истории Руси», как об этом писал Я.С. Лурье. Иными словами, до нас дошли противоречивые сведения о минувшем, которые породили многочисленные научные дискуссии.

В противовес этому, первая половина XVI века представлена, главным образом, официальным летописанием и, в меньшей степени, «Казанской историей». Ермолинская, Типографская, Владимирская, Вологодско-Пермская и некоторые другие летописи, содержащие независимые известия, в основном, доводят свое повествование до 20–30-х гг. XVI в. и описывают преимущественно военные действия. Причем официальные книжники, отредактировав ряд сообщений Ермолинской летописи, изменили общее смысловое поле известий. Таким образом, картина московско-казанских отношений первой половины XVI века практически безальтернативна, а данные официальных летописей, лежащие в ее основе, во многих случаях не поддаются верификации.

В этот период по мере укрепления единого Русского государства независимое летописание вытесняется, поэтому исследователи при оценке московско-казанских отношений руководствовались в большей степени данными кремлевской канцелярии, зачастую не учитывая их подчиненность политико-религиозной идеологии, обоснованной с помощью различных средств нарративной иносказательности. Причем даже в тех немногих случаях, когда сохранились независимые сведения, выявляется недостоверность официальных сообщений. Ярким примером тому служит летописная репрезентация второго похода Ивана IV на Казань, которая опровергается независимыми сообщениями [1, с. 203–213].

Московские летописцы со времен Ивана III начали использовать по отношению к Казани глагол «пожаловал», что означало распространение владетельных прав великого князя на Казанское ханство. Однако привлечение данных провинциальных летописей и посольских документов позволяет прояснить, что подобная репрезентация официальных книжников отражает не реальную политическую практику, а цели московского правительства в отношениях с восточным соседом. Причем в годы правления Василия III и особенно Ивана IV употребление слова «пожаловал» при характеристике московско-казанских отношений получило широкое распространение.

В эпоху Ивана IV, в условиях московско-казанского противостояния, была пересмотрена вся история русско-татарских отношений, именно тогда особое развитие получило представление об извечной борьбе русского народа против ордынского ига, впоследствии широко распространившееся в отечественной историографии. Летописцы-современники сопоставили казанский поход 1552 г. с военными победами ветхозаветных пророков над язычниками, с Куликовской битвой и стоянием на Угре. Завоевание Казани сравнивалось с важнейшими событиями всемирной истории: с вавилонским покорением Иерусалима и падением Константинополя в 1453 году. Аналогичные сюжеты содержатся в памятниках живописи, посвященных завоеванию Казани [1, с. 248–249]. Следовательно, взятие Казани в сознании русских книжников знаменовало обретение царства и начало нового этапа русской государственности.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, более или менее конкретные выводы можно делать относительно идеологии и основных репрезентативных черт московско-казанских отношений, но необходимо очень осторожно использовать эти данные в реконструкции самих отношений и истории Казанского ханства. Выводы, касающиеся конкретно-исторической стороны вопроса, можно делать только на основе данных, содержащихся в двух и более независимых друг от друга источниках. Поэтому перспективы исследований прежде всего необходимо связывать с дальнейшей реализацией обозначенных принципов и методов анализа источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 288 с.
2. Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
3. Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2001. 75 с.
4. Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2008. 252 с.
5. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863. 558 с.
6. Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. М.: Айрис-пресс, 2004. 320 с.
7. Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань: Типография Императорского Университета, 1895. 691+83 с.
8. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб.: Наука, 2001. С. 252–509.
9. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. 682 с.
10. Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 13. Кн. 4. СПб.: Императорская Академия наук, 1908. С. 344–379.
11. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.
12. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб.: Наука, 1999.
13. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. х + 302 с.
14. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
15. ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. iv + 704 с.
16. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
17. ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.

18. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
19. Сборник русского исторического общества. Т. 59. СПб.: Типография Ф. Елионского и К^о, 1887. 629 с.
20. Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб.: Наука, 1999. С. 138–189.
21. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1983. 250 с.
22. Ситдииков А. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань: Фен, 2002. С. 160–206.
23. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИИИИ, 1991. 320 с.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880> (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила 15.01.2017 г.

Принята к публикации 02.03.2017 г.

RUSSIAN CHRONICLES ON THE MOSCOW-KAZAN RELATIONS: AN EXPERIENCE OF THE HERMENEUTIC RESEARCH

A.V. Aksanov

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420111, Russian Federation
E-mail: aksanov571@gmail.com*

Research objective: This paper analyzes the problem of interpretation of the chronicle reports about the Moscow-Kazan relations and identifies the semantics of these reports by using the hermeneutic analysis of texts.

Research materials: The author cites the examples of the sources' misunderstanding. Researchers treated literally reports about the Kazan khanate foundation, which in fact were based on the reminiscences from biblical books and needed an allegorical interpretation. Scholars made similar mistakes in their interpretation of some of the reports about the Kazan campaigns in 1467, 1487, 1506, and 1552. In turn, the use of hermeneutic methods allows us to significantly supplement and even revise the picture of the Moscow-Kazan relations presented in the historians' works. This paper demonstrates some features of the evolution of Russian chronicle writing that affected the nature of the representation of interstate relations. Period of the last third of the 15th century is described both by official and independent (provincial) chronicle vaults. In this, these sources describe the events in different ways. Official chronicles represented the Moscow-Kazan war of 1467–1469 as a religious confrontation ended with Russian victory, while independent sources described this war without religious connotations and pointed to the defeat of Moscow forces. The author also revealed significant differences in the description of the events in 1478 and 1487.

Research results and novelty: In such a way, independent sources refute a number of official reports about the Moscow-Kazan relations in the last third of the 15th century. In turn, period of the first half of the 16th century is well documented only in the official chronicles since independent chronicles fell into decline during the strengthening of the united Russian State. Thus, the picture of the Moscow-Kazan relations of this period is unilateral since it is based on information of official chronicles, which, in many cases, can not be verified by alternative sources.

Keywords: Moscow State, Kazan khanate, interstate relations, chronicles, hermeneutics, historiography.

For citation: Aksanov A.V. Russian Chronicles on the Moscow-Kazan Relations: An Experience of the Hermeneutic Research. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 138–148. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.138-148

REFERENCES

1. Aksanov A.V. *Kazanskoe khanstvo i Moskovskaya Rus': Mezhhgosudarstvennyye otnosheniya v kontekste germenevticheskogo issledovaniya* [Kazan Khanate and Muscovy: Interstate Relations in the Context of Hermeneutic Research]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 288 p. (In Russian)
2. Alishev S.Kh. *Kazan' i Moskva: Mezhhgosudarstvennyye otnosheniya XV–XVI vv.* [Kazan and Moscow: The Interstate Relations of the 15th–16th centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 160 p. (In Russian)
3. Alishev S.Kh. *Istochniki i istoriografiya goroda Kazani* [Sources and Historiography of the City of Kazan]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2001. 75 p. (In Russian)
4. Bakhtin A.G. *Obrazovanie Kazanskogo i Kasimovskogo khanstv* [Formation of the Kazan and Kasimov Khanates]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2008. 252 p. (In Russian)
5. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study on the Kasimov Tsars and Princes]. Part 1. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1863. 558 p. (In Russian)
6. Gumilev L.N. *Ot Rusi do Rossii: Ocherki etnicheskoy istorii* [From Rus's to Russia: Essays on the Ethnic History]. Moscow, Ayris-press Publ., 2004. 320 p. (In Russian)
7. Zagoskin N.P. *Sputnik po Kazani* [The Companion to Kazan]. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo Universiteta Publ., 1895. 691+83 p. (In Russian)
8. Kazanskaya istoriya [The Kazan History]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Old Russian Literature]. Vol. 10. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 252–509. (In Russian)
9. Kuntsevich G.Z. *Istoriya o Kazanskom tsarstve ili Kazanskiy letopisets: Opyt istoriko-literaturnogo issledovaniya* [The History of the Kingdom of Kazan or Kazan Chronicler: Experience of the Historical and Literary Research]. St. Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova Publ., 1905. 682 p. (In Russian)
10. Orlov A.S. O nekotorykh osobennostyakh stilya velikorusskoy istoricheskoy belletristiki XVI–XVII vv. [Some Features of the Style of the Great Russian Belles-Lettres in the 16th–17th centuries]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 13. Book 4. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1908, pp. 344–379. (In Russian)
11. Plyukhanova M.B. *Syuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva* [Plots and Symbols of Muscovite Tsardom]. St. Petersburg, Akropol Publ., 1995. 336 p. (In Russian)

12. *Povest' o vzyatii Tsar'grada turkami v 1453 g.* [Tale of the Capture of Tsargrad by the Turks in 1453]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Old Russian Literature]. Vol. 7. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. (In Russian)
13. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* (hereinafter – PSRL) [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 8. *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Chronicle Continuation according to Voskresensky Copy]. Moscow, Languages of the Russian culture, 2001. x + 302 p. (In Russian)
14. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. Part 1. *Patriarshaja ili Nikonovskaja letopis'* [Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, Skorokhodov's Publ., 1904. 302 p. (In Russian)
15. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 20. *L'vovskaja letopis'* [Lvov Chronicle]. Moscow, Languages of Slavic culture, 2005. iv + 704 p. (In Russian)
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. *Moskovskij letopisnyj svod konca XV v* [Moscow Annalistic Svod of the end of the 15th century]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949. 464 p. (In Russian)
17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 42. *Novgorodskaya Karamzinskaya letopis'* [The Karamzin's Novgorod Chronicle]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 224 p. (In Russian)
18. Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vv.* [The Mongol-Tatars by the Eyes of Old Russian Scribes of the middle of the 13th–15th centuries]. Moscow, Kvadriga Publ., 2009. 248 p. (In Russian)
19. *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva* [Compilation of the Russian Historical Society]. Vol. 59. St. Petersburg, Tipografiya F. Elionskogo i K^o Publ., 1887. 629 p. (In Russian)
20. Skazanie o Mamaevom poboishche [The Tale of Mamay's Defeat]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Old Russian Literature]. Vol. 6. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. pp. 138–189. (In Russian)
21. Skrynnikov R.G. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 250 p. (In Russian)
22. Sitdikov A. *Nekotorye aspekty topografii khanskoy Kazani* [Some Aspects of the Topography of the Khans' Kazan]. *Kazanskoe khanstvo: aktual'nye problemy issledovaniya. Materialy nauchnogo seminara «Kazanskoe khanstvo: aktual'nye problemy issledovaniya»* [Kazan Khanate: Current Research Problems. Proceedings of the research seminar “Kazan Khanate: Current Research Problems”]. Kazan, Fen Publ., 2002. pp. 160–206. (In Russian)
23. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of Kazan Khanate]. Moscow, Insan Publ., 1991. 320 p. (In Russian)

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880> (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: aksanov571@gmail.com

Received January 15, 2017
Accepted for publication March 2, 2017